25 СЕН 1975
СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. МОСКВА

«НЕУЛОВИМОЕ» ЕДИНСТВО

Еще один сезон в жизни ленинградских театров.

Что можно сказать о прошедшем сезоне? Театры осуществляли свой долг — они отображали жизнь, они воспитывали зрителей. Но попробуйте задать вопрос, который так часто сегодня приходится слышать применительно и к другим сферам жизни, — а как обстоит дело с качеством? Только не с качеством вообще, а именно с театральным качеством? Ведь и кино, и литература воспитывают, отображают. Чем же специфическим выделился театр в их ряду? Ощущался ли нами театр как форум, спектакль как общественное явление, исполненное внутренней гармонии?

Академический Большой драматический театр имени М. Горького серьезные гражданские проблемы решал в спектаклях прошедшего сезона с помощью своего могучего ансамбля — этого сложного единства актерских личностей, направляемых твердой режиссерской волей. Многие считают, что такой ансамбль, как в БДТ, только и возможен. Ансамбль такого рода будто является доказательством того, что деление искусства сцены на «режиссерский театр» и на «актерский» надуманное.

Практика других коллективов говорит об ином — возможен и режиссерский, и актерский театр, а между ними еще бесчисленное множество типов ансамбля. Актерский театр по тайному одобрению природы исчезать не желает. В начале века загоралась заря режиссерских личностей, но одновременно утверждали гениальный актерский театр Комиссаржевская и Шаляпин. А в наше время? Какой глубокий след оставлен в нашей памяти Николаем Симоновым!

И вот пример — ансамбль Академического театра драмы имени А. С. Пушкина. Здесь в свое время ставились спектакли, где в игровой атмосфере завязывался узел коллективного мышления, но корифею-актеру всегда предоставлялась особого рода сценическая свобода. Именно эта традиция дала искусству Давыдова и Варламова, Певцова и Черкасова.

И сегодня в удачных сочетаниях, когда на сцене Юрий Толубеев, Василий Меркурьев, Александр Борисов, Игорь Горбачев, Бруно Фрейндлих, высекается искра единения. Имеются такие сцены в «Сказках старого Арбата», «Похождениях Чичикова». Вместе с тем в ряде последних спектаклей — «Совет да любовь», «Урагана», «Из записок Лопатина», особенно «Потоп» — видно раздробленное состояние труппы.

Прежняя укрупненная игра, несколько театральная по давней традиции, исполненная благородства, сегодня нередко подменяется игрой на зал. Отдельные актеры хотят сбить театральщину игрой тихой, естественной, и получается пестро, с бору по сосенке.

И не помогают слишком общие слова об актуализации репертуара. Самые прекрасные декларации не сдвинут дело, если актеры живут на сцене «не в процессе», а навязывают результат, готовую характерность. Это ведет к потере самого ценного — коллективной души театра. Ленинградцы ждут от любимого старейшего коллектива более самокритичного отношения к своим работам... Это весьма опасно — ставить вне критики слабые спектакли, ссылаясь на успех у зрителей. Деятель театра обязан строже относиться к результатам творчества, идейно и эстетически воспитывать зрителей, равно как и критик, к этому обязывает тех и других постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике».

Зрители справедливо видят в искусстве праздник, для профессионала же это еще и свои, нерешенные проблемы, предмет обсуждения и раздумий. Поэтому ссылки на восторженный прием не проясняют дела.

Разрушаются ансамбли по разным причинам. Это может быть в связи с актерским анархизмом, может быть и по вине режиссера, обнаруживающего в спектаклях весьма узкое представление о том, что такое ансамбль. Иной раз ансамбль понимается как некая удобная система подчинения актеров режиссерской форме. А по-настоящему это и есть «древо жизни», которое выращивается, и возникает особая форма жизни — спектакль.

Я всегда с большим интересом иду в Ленинградский театр комедии. И часто задаю вопрос: чувствуется ли в нем и сегодня «акимовское»? Н. Акимов был остроумным и живым режиссером с иронической улыбкой. Не всех эта улыбка радовала, да то она и была иронической, но был у нас в Ленинграде очень своеобразный театр — «акимовский мир». Новый Театр комедии стремится продолжать традицию — он, как прежде, любит метафору, расширяет жанр комедии... И на спектакле «Село Степанчиково», как и на совсем новом — «Мизантроп» (первый поставлен В. Голиковым, второй — П. Фоменко), зрители перестают, собственно, улыбаться, настолько это серьезно.

На изобретениях-экспериментах, на переосмыслении жанра, может быть, и можно сдружить коллектив. Но в данном случае этого оказывается, как мне кажется, мало. По-прежнему в некоторых спектаклях чувствуется нарушение внутренней согласованности, актерская разноустремленность. В таких случаях даже яркая образность оказывается неэффективной, превращается в условный знак. А иногда просто актеры не могут поддержать своей игрой режиссерское решение. Скажем, «Одна ночь» — малоизвестная пьеса Е. Шварца. В этом спектакле, вполне освобожденном от усложненности метафорического языка, ощущается все-таки жесткость режиссерского курсива. Вот только что, секунду назад, возникало тепло актерского общения со зрителями, многие из которых, как никто, чувствуют «блокадную тему». Но в следующем эпизоде исполнители уже не задушевные наши собеседники, а только проводники курсива, выполняющие задание «мыслящего» режиссера. Все понятно, но веры в происходящее — никакой.

Получается, что мысль режиссера энергична, актеры как будто увлечены, но адекватного, такого же активного способа актерского раскрепощения в условиях режиссерской продуманности актеры не знают. «Одна ночь» задумана как оживший дневник. Причем это радостные воспоминания, несмотря на тяжесть пережитых испытаний. Радостные потому, что им, актерам, выпало быть свидетелями тех героических дней. И даже салют здесь показан разноцветными ленточками, трепещущими победно в воздухе. Но когда актеры начинают действовать уже не от себя, а в образе персонажей, то атмосфера оживших воспоминаний исчезает, показывается быт уже без всякой дистанции, натурально, без отбора, порой с резкой характеристикой и огрубленным рисунком. Так, например, Б. Харитонов играет роль управхоза. И даже песни довоенных лет, вроде «Мы едем, едем, едем» или «Все выше и выше...», не звучат как милые, наивные и добрые... ниточки ассоциаций, напротив, в действии появляется губительная буквальность.

В. Голиков не имеет постоянного притока в свой театр молодежи, готовой к определенной режиссуре. В театре складывается коллектив, но бывает ведь и так, как заметил, например, «коллектив есть, а команды нет». Нужна команда, точно знающая, как играть в ту игру, которую предлагает режиссура. Нужен именно художественный ансамбль, такая человеческая общность, которая уже в самой себе таит образ будущего спектакля. Ведь именно чуткий, подвижный ансамбль и дает разрешение противоречиям между режиссурой и актером. Сокровенный ансамбль, в котором растворена душа режиссера, изначально и соединяет в себе «противоположные» начала, увязывает в единой «точке» актера, режиссера, художника, становится музыкой спектакля.

Проблему единства можно решать по-разному. Самой сильной стороной, например, Ленинградского театра юного зрителя является его студийная, клубная работа внутри коллектива, создание нравственного климата; ведь часто художественный ансамбль начинается с ансамбля этического.

Многие театры пополняют свои труппы отдельными индивидуальностями и лишены возможности принять единую группу актеров, воспитанных студийно, чувствующих друг друга как бы изначально. Тогда выбирается тот путь объединения, который наиболее реален для данного театра. Путь к ансамблю — через гражданскую тему. Актуализацией своих решений стремится достигнуть актерской общности Театр имени В. Ф. Комиссаржевской. Примером могут служить «Из записок Лопатина», «Если бы небо было зеркалом» (возобновление). То же следует сказать о Театре драмы и комедии на Литейном, где «Фронт» поставлен как драма, имеющая открытый выход в наш сегодняшний день.

И в Театре имени Ленинского комсомола нет ни студии, ни возможностей работать с актерами одной «генерации». Режиссер Г. Опорков преодолевает понятные трудности через поиски своей сокровенной темы. Спектакли «Жаворонок», «Звезды для лейтенанта» в разных жанрах бескомпромиссно утверждают философию мужества.

Но коллективного портрета своего поколения театру создать так и не удается. Часто молодые играют словно с ощущением «лишнего веса», как будто они старше того юношески незамутненного возраста, в котором пребывают их герои. А ведь каждая возрастная волна имеет право на самоопределение в театре. И зал часто пустует. И лицо его неопределенно.

Между тем понятие ансамбля включает в себя как бы определенность зрительного зала.

Малый драматический театр, руководимый преподавателем Е. Падве, имеет «свой» зал с частично постоянным и вполне определенным зрителем. Как важно это для общения сцены и зала. Достигается своеобразный эффект «клубности», театр становится театром-клубом. И хотя формально Малый драматический театр не является молодежным, он начинает выполнять функции, более свойственные театру для молодых.

С проблемой ансамбля связана еще одна качественная сторона дела. Я имею в виду обыкновенную органичность. Сегодня верх одерживает органический театр. Он словно оттесняет, как мне представляется, вчерашний день театр логический, в котором все как будто ясно, даже интересно и полезно, но холодно. И в жизни-то убеждает «органический» человек, естественный в своих поступках. Нас часто интересует, в какой степени органично усвоил человек долг перед государством, народом. Может ли он отличить истину от декларации, факт от показухи, искренность от фальши.

Недавно в Малом драматическом театре появился спектакль «Нина». Живет дружно, зажиточно одна обычная семья. Отец доволен, телевизор купил. Усаживает семью вокруг себя, заставляет каждого «опрокинуть» по стопочке. Затем осоловело втыкается в голубой экран. Так идет день за днем, и все было бы ничего, если бы не Нина. Не нравится отцу ее молчаливый, внимательный взгляд.

Вот, кажется, и все, если не считать кратковременных обострений чисто фабульного порядка. Содержание сосредоточивается во внутренней сфере спектакля — неотвратимо сгущается атмосфера драматизма в семье, лишенной духовности.

Здесь поражает не только содержание, но и прием, очень действенный по своему общественному смыслу. Все предельно органично. Сокрушающая узнаваемость этой семьи заставляет некоторых зрителей, пусть втайне, но признаться — «да, это мы, мы и есть».

Реализм не раздается по разнарядке. Его каждый раз необходимо завоевывать заново. «Нина» — реалистический спектакль, и в этом пафос его единства.

Вот как раз реализма недостает «Нашествию» — новому спектаклю Театра имени Ленсовета. То есть мы просто не верим, что показанное было, нет обычной жизненности. Тревожный драматизм пьесы Л. Леонова нисколько не подтвержден соответствующими ритмами спектакля, напряжением в поведении героев, тревогой. За стенами дома Талановых ничего не происходит.

В театре этом любят юмор. Поэтому чаще других здесь показывают спектакли светлые или смешные, исполненные юмора: «Укрощение строптивой» (поставлена в стиле циркизации), «Двери хлопают», «Миссис Пайпер», «Человек и джентльмен», «Левша». Само по себе это не вызывает возражения. И все же слияние зала и сцены на почве беспредельного и безмятежного юмора, пожалуй, не может стать главным ориентиром для актерской молодежи этого театра, которую воспитал и отлично снарядил в путь И. Владимиров (при театре открыт филиал — Молодежный театр). Молодые актеры, воспитанные именно для этого театра, с их обостренной чуткостью и свежестью реакций являются благодатной почвой для ансамбля.

Что же такое органический, ансамблевый театр? Это театр, где срастаются с темой, а не откликаются на нее, где выращивают, а не конструируют образ, где сотворяется жизнь, а не режиссерский курсив, и где актеры уже в самих себе чувствуют нечто от тех героев, которых играют. Это когда театр собирает людей «под одну крышу».

Момент художественности часто загадочен, кажется бесконечным, и хрупкое единство драматического спектакля может показаться неуловимым, ускользающим. Но оно поддается и воплощению, и восприятию. Ансамбль — это коллективное умонастроение, он составляет невидимую, но воспринимаемую нами «жизнь человеческого духа». Как говорил Станиславский, «ансамбль в самом широком смысле слова является основной задачей для всех творцов и деятелей сценического искусства».

В ансамблевом идейном единстве — духовная опора театра сегодня.

Ю. СМИРНОВ-НЕСВИЦКИЙ.